

О СЕБЕ

Конечно, мне не слишком-то нравится, что меня именуют одним из старейших писателей. Но ничего не поделаешь: я пишу и печатаюсь шестьдесят три года. Помню Куприна молодым человеком, еще до того, как он написал «Поединок», и юного Блока в студенческой нарядной тужурке. И мне самому удивительно, что я все еще не бросаю пера. Но не могу и представить себе, как бы я прожил хоть несколько дней без него.

Я родился в Петербурге в 1882 году, после чего мой отец, петербургский студент, покинул мою мать, крестьянку Полтавской губернии; и она с двумя детьми переехала на житье в Одессу. Вероятно, отец давал ей вначале какие-то деньги на воспитание детей: меня отдали в одесскую гимназию, из пятого класса которой я был несправедливо исключен.

Перепробовав много профессий, я с 1901 года стал печататься в «Одесских новостях», писал главным образом статейки о выставках картин и о книгах. Иногда — очень редко — стихи.

В 1903 году газета послала меня корреспондентом в Лондон. Корреспондентом я оказался из рук вон плохим: вместо того чтобы посещать заседания парламента и слушать там речи о высокой политике, я целые дни проводил в библиотеке Британского музея, читал Карлейля, Маколея, Хэзлитта, де-Куинси, Мэтью Арнолда. Очень увлекался Робертом Браунингом, Россетти и Суинберном. (Английский язык я изучил самоучкой.)

Газета перестала печатать мои письма из Лондона, далекие от злободневной тематики; ими заинтересовался Валерий Брюсов и пригласил меня в свой журнал «Весы», где я начал усердно сотрудничать.

Вернувшись в Россию, я пережил в Одессе дни броненосца «Потемкина», побывал на мятежном корабле и познакомился со многими повстанцами.

Настроения боевого подъема, которыми в те дни жила Россия, естественно, захватили меня, и поэтому, приехав в Петербург, я, под влиянием революционных событий, затеял издание сатирического журнала «Сигнал». К сотрудничеству в журнале привлек Куприна, Сологуба, Тэффи, Чюмину, Дымова, Вл. Тихонова и многих других.

После четвертого номера я был посажен в тюрьму и отдан под суд «за оскорбление величества», «царствующего дома» и т. д. Защищал меня при закрытых дверях знаменитый адвокат О. О. Грузенберг и добился моего оправдания.

Сидя в «предварилке», я стал переводить Уолта Уитмена, которым горячо увлекался.

В 1907 году мои переводы вышли отдельной книжкой в издательстве «Кружок молодых» при Петербургском университете. Переводы были слабы, но книжка имела огромный успех, так как поэзия Уитмена вполне гармонировала с тогдашними литературными веяниями.

В том же году вышла в свет моя новая (тоже незрелая!) книжка — критические очерки «От Чехова до наших дней».

Книжка разошлась очень быстро, и в течение той же зимы потребовалось новое издание, а еще через год вышло третье. Проработав больше года в мелкой прессе (худшая полоса моей писательской жизни), я сделался сотрудником «Нивы», «Речи», «Русской мысли», где поместил критические статьи о Гаршине, Федоре Сологубе, Леониде Андрееве, Куприне, Сергееве-Ценском, Борисе Зайцеве, Алексее Ремизове, впоследствии собранные в двух моих книгах — «Лица и маски» и «Книга о современных писателях», вышедших в 1914 году в издательстве «Шиповник».

Еще в конце 1906 года я переехал в финское местечко Куоккалу, где сблизился с И. Е. Репиным. Я горячо любил Илью Ефимовича, часто позировал ему для его картин и в течение нескольких лет редактировал его мемуары, часть которых он написал по моему настоянию. Эти мемуары, названные Репиным «Далекое близкое», впервые вышли в Москве лишь в 1937 году.

Там же, в Куоккале, познакомился я с В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненским. Бывали месяцы, когда я посещал их почти ежедневно. К этому времени у меня появилось немало друзей и знакомых в литературно-художественном мире: я близко узнал Алексея Толстого, Леонида Андреева, Н. Н. Евреинова, Аркадия Аверченко, Тэффи, Минского, Александра Бенуа, Кустодиева, Добужинского, Шаляпина, Комиссаржевскую, Яворскую, Собинова, — и нашел истинного друга в лице академика Анатолия Федоровича Кони.

К этому же периоду относится мое первое увлечение детской словесностью.

Мои статьи, посвященные ей, собраны в книжке «Матерям о детских журналах» (1911). Тогда же я составил для «Шиповника» сборник «Жар-птица», где сделал попытку завербовать для служения детям лучших писателей и художников.

В 1916 году А. М. Горький, возглавлявший издательство «Парус», задумал наладить в нем детский отдел и пригласил для этой цели меня. Под его руководством я составил сборник «Елка» и написал свою первую детскую сказку «Крокодил». Издательство вскоре распалось, и я перекочевал со своим «Крокодилом» в «Ниву», которая в 1917 году стала давать особое приложение «Для детей» — под моей редакцией. «Крокодил» с первых же дней своего появления в печати полюбился малолетним читателям.

И все же я испытывал в те времена острое недовольство собой и своей литературной работой.

Мне была невыносима ее пестрота, ее раздробленность, ее легковесность. Мне хотелось отдать свои силы

одной сосредоточенной многолетней работе. Об этом у меня был откровенный разговор с В. Г. Короленко. Короленко посоветовал мне не растрчивать себя по мелочам, а засесть за большой основательный труд о Некрасове, так как Некрасов с самого раннего детства был мой любимый поэт. Я стал пристально изучать его жизнь и творчество. И тут обнаружилась позорная вещь: оказалось, что через сорок лет после смерти поэта его стихи все еще продолжают печататься в исковерканном виде. Никаких комментариев к ним не было, и даже даты были сильно перепутаны. Кроме того, оказалось, что десятки наиболее ярких революционных стихов, изъятых старинной цензурой, все еще остаются под спудом и не могут дойти до читателей.

Началась борьба за освобождение поэта от самоуправной цензуры.

Чтобы установить канонический некрасовский текст, я стал разыскивать в разных местах подлинные рукописи стихотворений Некрасова: посетил вдову поэта Зинаиду Николаевну, свел близкое знакомство с двумя его побочными сестрами, а также с дочерью Авдотьи Панаевой, и мало-помалу у меня собралось изрядное количество некрасовских рукописей. Кое-что подарил мне историк В. Богучарский, кое-что сообщил в достоверных копиях Н. Ф. Анненский.

Я опубликовал собранные мною тексты в газетах.

И тогда в моей жизни случилось большое событие. Академик А. Ф. Кони, обладавший огромным фондом некрасовских рукописей, прочел мои газетные статьи о Некрасове и решил предоставить мне хранившиеся у него материалы. Количество рукописей было так велико, что мне потребовалось несколько лет для исследовательской работы над ними. Достаточно сказать, что здесь находились черновые и беловые рукописи поэмы «Кому на Руси жить хорошо», рукопись поэмы «Княгиня Волконская», черновики сатиры «Современники» и т. д., и т. д.

Когда я изучил всю эту грудку некрасовских рукописей, я обратился к родственникам поэта с предложением

включить в издаваемое ими «полное» собрание стихотворений Некрасова около пяти тысяч новых стихов. Но они и слышать не хотели о каком бы то ни было изменении текстов. Только революция освободила поэзию Некрасова от зловредной опеки его корыстных наследников.

В 1918 году я показал А. В. Луначарскому имеющиеся у меня рукописи Некрасова и при его поддержке стал готовить к печати первое советское собрание стихотворений Некрасова. И здесь меня постигла неудача: хотя я включил в это издание множество новых текстов, найденных мною и другими исследователями, главным образом В. Е. Евгеньевым-Максимовым, хотя в смысле полноты новое издание значительно превосходило все предыдущие, — к сожалению, я еще не овладел научными методами, необходимыми для подобной работы. Эти изъяны стали для меня очевидны, едва только издание вышло в свет. Они очень огорчили меня, и для того, чтобы их устранить, я тотчас же стал работать над новым изданием, поставив себе задачу, почти непосильную для одного человека, — окончательно выработать канонический текст, свободный от цензурных искажений, и дать научный историко-литературный и текстологический комментарий к каждому стихотворению Некрасова.

Большим поощрением в этой работе был для меня положительный отзыв В. И. Ленина о первом издании книги, сообщенный мне А. М. Горьким и В. В. Воровским. Впоследствии Горький процитировал этот отзыв в «Правде» (14 марта 1928 г.).

Шесть лет я трудился над новым изданием Некрасова в книгохранилищах Москвы и Ленинграда. Самый процесс этой кропотливой работы дал мне глубокое душевное удовлетворение. Было приятно уйти от суетливой и пестрой газетно-журнальной поденщины к научной сосредоточенной деятельности. Я был воистину счастлив, что могу дать советским читателям освобожденные от многолетних искажений подлинные тексты Некрасова. Работа была неблагодарная, незаметная, трудоемкая, но это-то и привлекало меня к ней. Один реальный коммен-

тарий к поэме «Кому на Руси жить хорошо» отнял у меня около полугода. Чтобы прокомментировать сатиру «Современники» и разъяснить содержащиеся в ней намеки на тогдашних финансовых деятелей, я должен был целые месяцы изучать биржу семидесятых годов.

Закончив главный труд своей жизни — полное собрание стихотворений Некрасова (1926), научно прокомментированное, исцеленное от ран и увечий, нанесенных им царской цензурой, я написал ряд историко-литературных этюдов, связанных с эпохой Некрасова. Эти этюды — «Лев Толстой и Дружинин», «Неизвестный Петров», «Жизнь и смерть Николая Успенского», «Василий Слепцов» и др. — вошли в мою книгу «Люди и книги шестидесятых годов».

Плодами детального изучения этой эпохи были также два «Некрасовских сборника», том неизвестных произведений Некрасова с моими вступлениями к каждой находке, изданный под заглавием «Тонкий человек», и десятки статей о поэте в «Правде», «Известиях», «Литературном критике», «Знамени», «Известиях Академии наук СССР».

Тогда же я закончил свой давно задуманный труд — книгу «Некрасов», которая вышла в издательстве «Кубуч» в 1926 году (второе издание в «Федерации» в 1930 г.). Недавно я перечитал эту старинную книгу. Многое в ней спорно, кое-что опрометчиво, но ее основная цель — смыть с Некрасова «хрестоматийный глянец», представить его читателям не как абстрактного носителя таких-то и таких-то идей, а как близкого, живого человека — была, мне кажется, в некоторой мере достигнута.

Среди других волновавших меня всю жизнь литературных вопросов была проблема художественного перевода. Она интересовала меня с юных лет. Еще в «Весах» я писал о переводах Шелли и Уитмена. В 1918 году А. М. Горький организовал в Петрограде издательство «Всемирная литература» и предложил мне возглавить англо-американский отдел этого издательства. Во времена «Всемирной литературы» интерес к теории и практике

художественного перевода сильно возрос. Так как СССР страна разноязычных народов, стремящихся к постоянному обмену духовными ценностями, мастерство перевода стало играть у нас особую роль. Пытаясь установить, каковы современные методы этого мастерства, я написал (по желанию А. М. Горького) сперва брошюру, а потом и книгу, посвященную искусству перевода, которую исправлял и дополнял от издания к изданию. В 1941 году книга вышла под заглавием «Высокое искусство», а теперь, через двадцать с лишним лет, я снова переработал ее на основе новых материалов. Тема эта дорога мне и нынче, отчасти оттого, что я и сам переводчик: перевел «Листья травы» и «Демократические дали» Уолта Уитмена, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, «Робинзон Крузо» Дефо, «Живчеловека» Честертона, «Королей и капусту» О. Генри и др.

Есть у меня и еще одна тема, проходящая через всю мою жизнь: психика малых детей, их титаническая работа по овладению — в такие сказочно короткие сроки — сложившимися формами родительской и прародительской речи.

Эта тема воплотилась в моей книге «От двух до пяти», которая, конечно, никогда не была бы написана, если бы у меня не было четверых детей, а теперь уже и пятерых внуков и пятерых правнуков и если бы общение с детьми — своими или чужими — не было моим любимейшим отдыхом. Книга эта выдержала семнадцать изданий, и для каждого нового издания я исправлял и расширял ее текст, так как все это время ко мне шли непрерывным потоком тысячи и тысячи писем от воспитателей, матерей и отцов, сообщавших мне свои наблюдения над детьми¹.

Незадолго до этого я написал для детей (вслед за «Крокодиллом») «Мойдодыра», «Муху-Цокотуху», «Тараканище», «Доктора Айболита» и другие сказки в сти-

¹ При жизни автора было 20 изданий «От двух до пяти», 21-е вышло посмертно (1970), с авторской корректурой.

хах. Сказки эти появились впервые в печати в самом начале двадцатых годов и вызвали жестокие нападки рапповцев, пролеткультовцев, педологов. Мне и в голову тогда не приходило, что когда-нибудь эти гонимые сказки будут печататься миллионами экземпляров и выдержат многие десятки изданий и что я доживу до поры, когда те дети, для которых эти сказки написаны, превратятся в седых стариков и будут читать их своим внукам и правнукам.

Все другие мои сочинения до такой степени заслонены моими детскими сказками, что в представлении многих читателей я, кроме «Мойдодыров» и «Мух-Цокотух», вообще ничего не писал.

Когда началась война, я вместе с Евг. Петровым и А. Н. Афиногеновым стал работать в англо-американском отделе Совинформбюро и в течение первых месяцев войны писал для этого отдела статьи.

После окончания войны я опять отдался излюбленным темам. Написал новую книгу — «Мастерство Некрасова», проредактировал двенадцатитомное собрание его сочинений, закончил первый том своих воспоминаний: о Горьком, Короленко, Куприне, Леониде Андрееве, Блоке, Луначарском, Маяковском и др. («Современники»), опубликовал книжку о языке «Живой как жизнь» и, поглощенный этой увлекательной работой, не заметил, как подкрался ко мне 1962 год и мне исполнилось восемьдесят лет. Дата, конечно, не очень веселая. Но словно для того, чтобы хоть отчасти утешить меня, этот год послал мне нечаянную радость: книга моя «Мастерство Некрасова» была удостоена Ленинской премии.

В этом же году Оксфордский университет присудил мне почетное звание Доктора литературы. Для получения этого звания я был приглашен в Англию — через шестьдесят лет после моего пребывания в этой стране — и с большим удовольствием провел там весь май среди новых — милых и радушных — друзей.

Оглядываясь на свой долгий писательский путь, я нахожу на нем немало ошибок, неверных шагов и провалов.

Но одна черта в некоторой мере искупает мои недостатки: абсолютная искренность. В качестве критика я, если бы даже хотел, не умел бы написать о том или ином литературном явлении хоть одно неправдивое слово.

В писательской работе меня больше всего увлекает радость изобретения, открытия. Эту радость я впервые почувствовал, когда сочинял свои сказки, форма которых, уже не говоря о сюжетах, была в нашей литературе нова.

Точно так же я не стал бы писать свои книги «Высокое искусство» или «От двух до пяти», если бы меня не окрыляла уверенность, что у нас еще не было книг на подобные темы и что я, таким образом, иду по непроторенной дороге. И разве отдал бы я сорок лет своей жизни изучению Некрасова, если бы не сознание, что мне предстоит разрушить застарелые, рутинные представления о нем? Этим чувством преодоления многолетней инерции, жаждой бороться за новое понимание Некрасова продиктованы мои книги «Некрасов как художник», «Мастерство Некрасова» и другие работы, включая сюда комментарии ко многим стихотворениям поэта в двенадцатитомном собрании его сочинений. Свою до сих пор не законченную книгу о Чехове я стал писать по такой же причине: Чехов, как и Некрасов, был одним из наиболее оболганных русских писателей. И я считал своим долгом освободить его образ от той многолетней лжи, которую горе-критики нагромодили вокруг его имени.

Ненавижу подражательность, эпигонство, рутину.

«Открытия» могли быть микроскопически мелкими, и некоторые из них, как я вижу теперь, приводили к ошибкам, но я не мог бы писать ни о Николае Успенском, ни о Слепцове, ни о Гаршине, ни об Авдотье Панаевой, ни о Валерии Брюсове, если бы меня не обуревало в ту пору желание сказать об этих авторах новое слово, отменяющее привычные представления о них.

В молодости это стремление к борьбе с установленными, тривиальными мнениями придавало иногда моим писаниям задиристый, запальчивый, крикливый характер, от которого я избавился лишь в зрелые годы, в поре-

От двух до пяти

ГЛАВА ПЕРВАЯ ДЕТСКИЙ ЯЗЫК

...Но всех чудес прекрасных на земле
Чудесней слово первое ребенка.

Петр Семьнин

1. ПРИСЛУШИВАЮСЬ

Когда Ляле было два с половиной года, какой-то незнакомый спросил ее в шутку:

— Ты хотела бы быть моей дочкой?

Она ответила ему величаво:

— Я мамина и больше никовой няя.

Однажды мы гуляли с ней по взморью, и она впервые в жизни увидела вдали пароход.

— Мама, мама, паровоз купается! — пылко закричала она.

Милая детская речь! Никогда не устану ей радоваться. С большим удовольствием подслушал я такой диалог:

— Мне сам папа сказал...

— Мне сама мама сказала...

— Но ведь папа самее мамы... Папа гораздо самее.

Было приятно узнавать от детей, что у лысого голова босиком, что от мятных лепешек во рту сквознячок, что гусеница — жена гуся, а муж стрекозы — стрекозёл.

И весело мне было услышать, как трехлетняя спящая девочка внезапно пробормотала во сне:

— Мама, закрой мою заднюю ногу!

И очень забавляли меня такие, например, детские речения и возгласы, подслушанные в разное время:

— Папа, смотри, как твои брюки нахмурились!

*

— Бабушка! Ты моя лучшая любовница!

*

— Ой, мама, какие у тебя толстопузые ноги!

*

— Наша бабуля зарезала зимою гусей, чтоб они не простудились.

*

— Мама, как мне жалко лошадок, что они не могут в носу ковырять.

*

— Бабушка, ты умрешь?

— Умру.

— Тебя в яму закопают?

— Закопают.

— Глубокó?

— Глубокó.

— Вот когда я буду твою швейную машину вертеть!

*

Жорж разрезал лопаткой дождевого червя пополам.

— Зачем ты это сделал?

— Червячку было скучно. Теперь их два. Им стало веселее.

*

Старуха рассказала четырехлетнему внуку о страданиях Иисуса Христа: прибили Боженьку гвоздями

к кресту, а Боженька, несмотря на гвозди, воскрес и вознесся.

— Надо было винтиками! — посочувствовал внук.

*

Дедушка признался, что не умеет пеленать новорожденных.

— А как же ты пеленал бабушку, когда она была маленькая?

*

Девочке четырех с половиною лет прочли «Сказку о рыбаке и рыбке».

— Вот глупый старик, — возмутилась она, — просил у рыбки то новый дом, то новое корыто. Попросил бы сразу новую старуху.

*

— Как ты смеешь драться?

— Ах, мамочка, что же мне делать, если драка так и лезет из меня!

*

— Няня, что это за рай за такой?

— А это где яблоки, груши, апельсины, черешни...

— Понимаю: рай — это компот.

*

— Тетя, вы за тысячу рублей съели бы дохлую кошку?

*

Басом:

— Баба мылом морду моет!

— У бабы не морда, у бабы лицо.

Пошла поглядела опять.

— Нет, все-таки немножечко морда.

*

— Мама, я такая распутница!
И показала веревочку, которую удалось ей распутать.

*

— Жил-был пастух, его звали Макар. И была у него дочь Макарона.

*

— Ой, мама, какая прелестная гадость!

*

— Ну, Нюра, довольно, не плачь!
— Я плачу не тебе, а тете Симе.

*

— Вы и шишку польете?
— Да.
— Чтобы выросли шিশенята?

Окончание «ята» мы, взрослые, присваиваем только живым существам: ягнята, поросята и проч. Но так как для детей и неживое живо, они пользуются этим окончанием чаще, чем мы, и от них всегда можно услышать:

— Папа, смотри, какие вагонята хорошенькие!
Сереза двух с половиной лет впервые увидел костер, прыщущий яркими искрами, захлопал в ладоши и крикнул:

— Огонь и огоньята! Огонь и огоньята!

*

— Ой, дедуля, киска чихнула!
— Почему же ты, Леночка, не сказала кошке: на здоровье?
— А кто мне скажет спасибо?

*

Философия искусства:

— Я так много пою, что комната делается большая, красивая...

*

— В Анапе жарко, как сесть на примус.

*

— Ты же видишь: я вся босая!

*

— Я встану так рано, что еще поздно будет.

*

— Не туши огонь, а то спать не видать!

*

Рисует цветы, а вокруг три десятка точек.

— Что это? Мухи?

— Нет, запах от цветов.

*

— Обо что ты оцарапался?

— Об кошку.

*

Ночью будит усталую мать:

— Мама, мама, если добрый лев встретит зна-
комую жирафу, он ее съест или нет?

*

— Какой ты страшный спун! Чтобы сейчас было
встато!

*

Лялечку побрызгали духами:

Я вся такая пахлая,
Я вся такая духлая.

И вертится у зеркала.

— Я, мамочка, красавлюсь!

*

— Когда же вы со мной поиграете? Папа с работы — и сейчас же за книгу. А мама — барыня какая! — сразу стирать начала.

*

Все семейство поджидало почтальона. Он появился у самой калитки. Варя первая заметила его.

— Почтаник, почтаник идет! — радостно возвестила она.

*

Хвастают, сидя рядом на стульчиках:

— Моя бабушка ругается: черт, черт, черт.

— А моя бабушка ругается: гошподи, гошподи, гошподи, гошподи!

*

Юра с гордостью думал, что у него самая толстая няня. Вдруг на прогулке в парке он встретил еще более толстую.

— Эта тетя заднее тебя, — укоризненно сказал он своей няне.

*

Замечательное детское слово услышал я когда-то на даче под Питером в один пасмурный майский день.

Я зажег для детей костер. Издали солидно подползла двухлетняя соседская девочка:

— Это всехный огонь?

— Всехный, всехный! Подходи, не бойся!

Слово показалось мне таким выразительным, что в первую минуту я, помнится, был готов пожалеть, почему оно не сделалось «всехным», не вошло во «всехный» обиход и не вытеснило нашего «взрослого» слова «всеобщий».

Я как вижу уличный плакат:

Всехная работа на всехной земле

Во имя всехного счастья

*

Так же велика выразительность детского слова сердитки. Трехлетняя Таня, увидев морщинки на лбу у отца, указала на них пальцем и сказала:

— Я не хочу, чтобы у тебя были сердитки!

*

И что может быть экспрессивнее отличного детского слова смеяние, означающего многократный и длительный смех.

— Мне аж кисло во рту стало от баловства, от смеяния.

*

Трехлетняя Ната:

— Спой мне, мама, баюльную песню!

«Баюльная песня» (от глагола «баюкать») — превосходное, звучное слово, более понятное детям, чем «колыбельная песня», так как в современном быту колыбели давно уже сделались редкостью.

*

Повторяю: вначале эти речения детей казались мне просто забавными, но мало-помалу для меня, благодаря им, уяснились многие высокие качества детского разума.

II. ПОДРАЖАНИЕ И ТВОРЧЕСТВО

Детское чутье языка

Если бы потребовалось наиболее наглядное, внятное для всех доказательство, что каждый малолетний ребенок есть величайший умственный труженик нашей планеты, достаточно было бы приглядеться возможно внимательнее к сложной системе тех методов, при помощи которых ему удается в такое изумительно короткое время овладеть своим родным языком, всеми оттенками его причудливых форм, всеми тонкостями его суффиксов, приставок и флексий. Хотя это овладение речью происходит под непосредственным воздействием взрослых, все же оно кажется мне одним из величайших чудес детской психической жизни.

У двухлетних и трехлетних детей такое сильное чутье языка, что создаваемые ими слова отнюдь не кажутся калекками или уродами речи, а, напротив, очень метки, изящны, естественны: и «сердитки», и «духлая», и «красавлюсь», и «всехный».

Сплошь и рядом случается, что ребенок изобретает слова, которые уже есть в языке, но неизвестны ни ему, ни окружающим.

На моих глазах один трехлетний в Крыму, в Коктебеле, выдумал слово пулять и пулял из своего крошечного ружья с утра до ночи, даже не подозревая о том, что это слово спокон веку существует на Дону, в Воронежской и Ярославской областях. В известной повести Л. Пантелеева «Ленька Пантелеев» ярославская жительница несколько раз говорит: «Так и пуляют, так и пуляют!»

Другой ребенок (трех с половиною лет) сам додумался до слова никчемный.

Третий, неизвестного мне возраста, изобрел слова обутки и одетки (это было в черноморской степи

под Одессой), совершенно не зная о том, что именно эти два слова точно в таком же сочетании существуют в течение столетий на севере, в Олонецком крае. Ведь не читал же он этнографических сборников Рыбникова, записавшего некую фольклорную сказку, где были, между прочим, такие слова: «Получаю по обещанию пищу, обутку и одетку»¹.

Самая эта двучленная формула «обутка и одетка» была самостоятельно создана ребенком на основании тех языковых предпосылок, которые даны ему взрослыми.

— Ах ты, стрекоза! — сказала мать своей трехлетней Ирине.

— Я не стрекоза, а я людь!

Мать сначала не поняла этой «люди», но потом случайно обнаружила, что за тысячи километров, на Урале, человек издавна называется «людью». Там так и говорят:

— Ты что за людь?²

Таким образом, ребенок порою самостоятельно приходит к тем формам, которые создавались народом в течение многих веков.

Чудесно овладевает детский ум методами, приемами, формами народного словотворчества.

Даже те детские слова, которых нет в языке, кажутся почти существующими: они могли бы быть, и только случайно их нет. Их встречаешь как старых знакомых, как будто уже слышал их когда-то. Легко можно представить себе какой-нибудь из славянских языков, где в качестве полноправных слов существуют и сердитки, и никовойный, и всехный.

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1910. Т. III. С. 177.

² Даль приводит это слово как старинное (Толковый словарь. М., 1955. Т. II. С. 284).

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	5

ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ

Глава первая. ДЕТСКИЙ ЯЗЫК	17
I. Прислушиваюсь	17
II. Подражание и творчество	24
III. «Народная этимология»	35
IV. Действенность	45
V. Завоевание грамматики	52
VI. Анализ языкового наследия взрослых	69
VII. Разоблачение штампов	80
VIII. Маскировка неведения	88
IX. Ложное истолкование слов	95
X. Детская речь и народ	108
XI. Воспитание речи	119
Глава вторая. НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ	128
I. Поиски закономерностей	128
II. Полуверие	140
III. «Сто тысяч почему»	145
IV. Дети о рождении	154
V. Ненависть к печали	173
VI. Дети о смерти	181
VII. Новая эпоха и дети	191
VIII. Слезы и хитрости	216
IX. Продолжаю прислушиваться	223

Глава третья. БОРЬБА ЗА СКАЗКУ	235
I. Разговор о Мюнхаузене	235
II. «Акулов не бывает!»	244
III. Пора бы поумнеть!	257
IV. И опять о Мюнхаузене. 1936	263
V. Обывательские методы критики. 1956	265
VI. «Противоестественно, чтобы...» 1960	277
Глава четвертая. ЛЕПЫЕ НЕЛЕПИЦЫ	283
I. Письмо	283
II. Тимошка на кошке	284
III. Тяготение ребенка к перевертышам	288
IV. Педагогическая ценность перевертышей	297
V. Предки их врагов и гонителей	318
Глава пятая. КАК ДЕТИ СЛАГАЮТ СТИХИ	331
I. Влечение к рифме	331
II. Стиховые подхваты	337
III. Па и ма	347
IV. Первые стихи	350
V. О стиховом воспитании	375
VI. Экикики и не-экикики	389
VII. Еще о стиховом воспитании	403
VIII. Прежде и теперь	406
Глава шестая. ЗАПОВЕДИ ДЛЯ ДЕТСКИХ ПОЭТОВ	417
I. Учиться у народа — учиться у детей	417
II. Образность и действенность	426
III. Музыка	429
IV. Рифмы. — Структура стихов	432
V. Отказ от эпитетов. — Ритмика	435
VI. Игровые стихи	439
VII. Последние заповеди	444
Послесловие	451
Приложение. ПРИЗНАНИЯ СТАРОГО СКАЗОЧНИКА	455
I. Как была написана «Муха-Цокотуха»	455
II. История моего «Айболита»	461
III	475

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕСКАЗЫ

Р. Киплинг. СКАЗКИ

<i>Перевод с английского Корнея Чуковского, стихи в переводе Самуила Маршака</i>	489
Как было написано первое письмо	489
Кошка, гулявшая сама по себе	500
Мотылек, который топнул ногой	514
Рикки-Тикки-Тави	527

СКАЗКИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

Царь Пузан (<i>Английская сказка</i>)	549
Сказка о глупом царе (<i>Норвежская сказка</i>)	557
Золотой порошок (<i>Арабская сказка</i>)	563

Чуковский К.

Ч 88 От двух до пяти / Корней Чуковский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 576 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-09816-9

Читатели знакомятся с Чуковским в детстве, на всю жизнь запоминая его стихи, но для многих это знакомство в детстве и заканчивается. Между тем всеми любимый классик детской литературы был и критиком, переводчиком, прозаиком, лингвистом, литературоведом, мемуаристом... Чуковский-переводчик подарил русскому читателю целую библиотеку произведений английской и американской литературы, а Чуковский-исследователь, увлеченный психологией детской речи, создал знаменитую книгу «От двух до пяти», для которой со всех концов страны ему присылали примеры детского словотворчества.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ
ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Шнитникова, Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 11.09.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 25,38. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА® —
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-NFA-17845-05-R